

БЕГ ВРЕМЕНИ

(к промежуточным итогам проекта «Сибирские спецы»)

Писать эту статью начал еще в сентябре месяце, пытаюсь закончить только сегодня, когда пошла последняя неделя октября. К сожалению, но коронавирус прошелся и по мне, что сломало все планы, так как болезнь не позволила вообще работать с материалами. Пандемия коронавируса сильно ограничила возможности обработки архивных дел в связи с вводимыми ограничениями, что, например, не позволило привлекать волонтеров-помощников. Но работа тем не менее продолжается...

Бег «реки времени» неумолим, остановить его нельзя. Так и в нашем проекте «Сибирские спецы». Казалось бы, совсем недавно мы начали этот проект, но вот уже близок к завершению первый год работы. Что сделано? Что изменилось?

Сегодня уже опубликовано более 650 страниц текста, содержащих данные на 4125 персоналий. Много это или мало? Если рассматривать весь массив документов, то примерно 1/25 от общего числа дел, с другой стороны – названы почти 8400 имен членов этих фамилий. Кстати, названы не только дети, но и другие родственники – родители, сестры, братья, свекрови, золовки и др. оказавшиеся в ссылке.

Какие трудности? Те же, о которых мы говорили и раньше. Не стало проще разбираться с написанием фамилий, имен, отчеств, мест рождения и высылки, мест работы. Причине чаще всего в тех, кто заполнял анкеты и вел дела, их грамотности и добросовестности. Не всегда можно выявить места проживания в ссылке (обычно упоминается район, сельсовет, но не населенный пункт), места работы почти невозможно. Особенно это касается дел на членов семей изменников Родины, набор документов в их делах минимальный – выписка из Постановления ОСО НКВД СССР, заключение какого-либо репрессивного органа, констатировавшего факт «измены Родины» главой семьи и характеризующего состав семьи «изменника» с выводом о необходимости их высылки в отдаленные районы страны (в отдельных случаях не высылали, но такую избирательность понять сложно, скорее всего играл роль «человеческий фактор» – позиция того, кто готовил документы). Затем в деле было 2-3 небольших справки о составе семьи, об этапировании, «Открытый лист» с кратким описанием сути события и опять-таки с данными на высылаемых, обязательство о невыезде с места поселения,

формализованный бланк «Удостоверение (взамен паспорта)» и справка об освобождении. В отдельных делах могли накапливаться иные материалы служебной переписки.

Места работы и должности указывали лишь некоторые коменданты при оформлении разного рода подписок и уведомлений (имеются в отдельных делах), либо выявить эту информацию через какие-либо официальные обращения ссыльных (письма в органы власти и правоохранительные структуры, заявления с просьбами различного характера), в редких случаях необходимую информацию можно встретить в служебной переписке. Получение таких сведений важно, в частности, помогает в случаях необходимости подтверждения трудового стажа (примеры подобных обращений встречаются в делах), так как часто нет возможности получить необходимые сведения в других архивах.

Иногда сложно отследить путь попадания людей в ссылку. Обычно это касается тех, кто арестовывался накануне начала Великой Отечественной войны. Часть из них отправлялась непосредственно в ссылку, а путь других заметно удлинялся, по причине их эвакуации сначала в тыловые районы страны, преимущественно в лагеря на Урале, либо тюрьмы отдельных городов преимущественно Урало-Сибирского региона, где они дожидались решения своей судьбы, а только потом к месту окончательного поселения. В этих случаях сложно определить дату прибытия к месту ссылки. Следует заметить, что официальные решения в отношении этой категории лиц, чаще всего выносились Особым Совещанием НКВД СССР только через несколько месяцев, иногда почти через год, когда человек уже находился на месте поселения. В послевоенный период такой же механизм был применен при выселении, например, из районов Закавказья.

Что касается членов семей сосланных, то не всегда указываются точные данные, особенно по детям ссылаемых. Обычно в анкетах указываются имена и даты рождения, но встречаются дела, где можно встретить записи «следуют двое детей», «с тремя детьми» и т.д. без указания иных данных, либо в постановлении указывается, что на иждивении находится столько-то детей, но в материалах дела их судьба никак не прослеживается. Иногда удается установить какие-то имена детей в имеющихся в делах документах, но не данные об их возрасте. Поэтому просто указываем ту информацию, которую удалось выяснить.

В отдельных случаях невозможно установить дату смерти спецпереселенца или члена(ов) его семьи. Если в одних делах подшиты формализованные бланки ЗАГСа о смерти и ее причинах, либо справки

какого-либо иного официального органа с указанием даты смерти, то в ряде дел факт смерти подтверждался протоколами допросов свидетелей смерти. Но обычно информация в них сводится к формулировкам, что проживали или работали вместе, а такой-то (имярек) потом умер (редко указывается хотя бы месяц, когда умер человек), обычно указывается время года – зимой, весной и т.д.

В настоящее время в обработке находятся дела на членов семей изменников Родины (ЧСИР). Насколько эта категория дел оказалась разнообразной. Ранее, у меня самого выработался определенный стереотип, что эта формулировка касалась родственников осужденных по политическим процессам 1930-х годов и в ходе «массовой операции» (1937-1938 гг.), либо родственников военнослужащих, попавших (сдавшихся) в плен. Сегодня же чаще приходится изучать дела на тех, чьи мужья или другие члены семей служили в органах власти, созданных фашистами, в полиции, старостами и т.п., т.е. непосредственно сотрудничали с оккупантами. В некоторых делах хранятся справки или иные материалы, в том числе исполненные собственноручно ссылаемыми, подтверждавшие их участие в репрессивных акциях против мирного населения на оккупированной территории. Часть дел касалась судеб семей парашютистов-диверсантов, завербованных фашистами в период их пребывания в плену, убитых при задержании в местах десантирования или в боестолкновениях. Отмечу, что в одном из случаев таким парашютистом-диверсантом оказался мужчина еврейской национальности, что, с учетом позиции фашистов к лицам еврейской национальности, согласитесь, было случаем необычным. Ряд дел касался переходов за границу военнослужащими еще до начала Великой Отечественной войны. В этих делах достаточно много информации, характеризующей обстановку тех лет.

Работать с этими делами тяжело морально. Все время в голове бьется мысль – за что так сильно страдали семьи. «Преступник» уже наказан, обычно будучи расстрелянным, если осужден не заочно, но наказывались и члены его семьи, а они-то в чем виноваты? Вместе проживали под одной крышей, ели из одной чашки, вместе воспитывали ребятишек, так поэтому и вину должны были разделить поровну? Понимаю, что такие высылки носили «воспитательный» характер, чтобы другим неповадно было. На практике был реализован институт заложничества, применявшийся в годы Гражданской войны. Но как же тогда относится к посылу «вождя народов» об ответственности – «сын за отца не отвечает».

Да, ЧСИРам разрешалось брать с собой до 500 кг вещей, что на практике не исполнялось, но ведь приходилось бросать все нажитое. А на

новых местах их никто не ждал и приходилось им часто мыкаться без работы и продуктов – в делах подтверждений этому много, как в личных обращениях переселенцев в различные инстанции, так в официальных документах местных органов власти. Такие ситуации иногда «разрешались» трагически – имели место суициды, даже групповые, либо бегство с мест поселения, оставляя при этом детей на произвол судьбы... Часто с женами и детьми ЧСИР выселяли и престарелых родителей «изменников», судьба которых была еще печальней, так как многие быстро умирали, иногда даже не доехав до места поселения.

В числе ссылаемых преобладают женщины – их почти 3/4, мужчин меньше.

По национальному составу – выявлены представители 45 национальностей, ставших «невольными сибиряками». Чаще всего (**на настоящий момент**) ссылке подвергались русские (1238 чел.), латыши (460), немцы (274), украинцы 236), армяне (217), ассирийцы (212), азербайджанцы (184), литовцы (146), молдаване (130), евреи (112), эстонцы (107).

Особый интерес вызывают формулировки «Характера обвинения», мною насчитано их более 60. Здесь кулаки и члены их семей, выселенцы различных национальностей (немцы, калмыки, латыши, литовцы, эстонцы, турки, ассирийцы и т.д.) и члены их семей, участники различного рода антисоветских организаций и партий, бандиты и националисты, их пособники, сектанты, ЧСИРы (семьи полицейских, старост и др., сотрудничавших с фашистами в период оккупации (так в обвинении), но ведь среди них оказывались и учителя, работавшие в школах, медработники, оказывающие хоть какую-то помощь мирным жителям, и те, кто выходил на работу с одной целью – прокормить семью и т.п.). Есть и такие формулировки обвинения – «немецкий агент», «каратель», «власовец», «член банды террористов», «полицай», «изменническое поведение» или «изменнические намерения» и др. Судя по последним формулировкам, эти люди должны были понести более суровое наказание и отбывать его где-нибудь в лагерях, но направлялись в ссылку. Отсутствие в делах материалов, раскрывающих суть обвинения, можно только домысливать – скорее всего их вина не была доказана, но дело-то было заведено и должно было быть реализовано, механизм был запущен...

Сложно определить принадлежность к социальным группам ссылаемых, слишком мало информации в делах.

Что касается образования, то получение объективной информации оказалось невозможным. Основная часть переселенцев указывала в

документах – «малограмотный/ая» либо «нисшее». Но на практике это выражалось чаще всего в умении расписаться, обычно печатными буквами. Для выходцев из Прибалтики характерно указание 5-6-7 классов обучения или «среднее», но надо учитывать, что чаще всего информация касалась обучения на родных языках, а русским владели единицы, расписывались обычно на родном языке. Потребовались годы для постепенного устранения этой проблемы. Часто на документах можно встретить данные о переводчиках и т.п.

К неграмотным относились большинство родившихся в XIX столетии, либо представители закавказских и среднеазиатских республик СССР.

Еще одним вопросом, требующим внимания и дальнейшей проработки, оказалось наличие двойных и тройных дел на отдельных переселенцев, что конечно же ведет к искажению реальных данных. В данном случае, о численности спецпереселенцев.

В процессе работы с делами, например на ЧСИР, выяснилось, что значительное число (из обработанных) их уже названо в Книге Памяти жителей Томской области, репрессированных в 1920-х – начале 1950-х гг. «Боль людская», по материалам дел архива Управления ФСБ РФ по Томской области, т.е. наблюдается дублирование материалов. Почему так произошло еще предстоит выяснить. Но дело в том. Что в соответствии с правилами учета дел в системе НКВД в те годы в обязательном порядке заводилось дело в местах поселения. А у нас в годы Великой Отечественной войны часть ЧСИР были выселены в Красноярский край, значит и там на них было заведено дело.

После определенных раздумий данные на такую категорию переселенцев решено публиковать, но с выделением текста курсивом. Использование двух источников только расширяет круг публикуемых сведений, например в «Боли людской» указана информация о реабилитации, что может быть использовано при оформлении документов на предоставление льгот и т.п.

Кстати, отмечу, что именно такие примеры, как описанные выше, позволяют сделать вывод о правильной постановке одной из задач проекта «Сибирский спец» – уточнении числа жертв массовых необоснованных репрессий.

Несколько слов хотелось бы сказать, что начатая нами работа позволит привлечь внимание многих профессиональных историков, юристов, краеведов и др., кому небезразлична история России и нашей Малой Родины.

Например, в процессы работы было выявлено дело на агронома В.И. Гвоздева, создателя Бакчарского плодового питомника, содержащее подлинные документы, заслуживающие общественного внимания. Среди отбывавших политссылку были: жена члена ЦК партии социалистов-революционеров, сама шесть раз подвергавшаяся арестам за свою политическую деятельность; руководящие сотрудники аппарата ОГПУ-НКВД ряда республик СССР, участники крестьянских восстаний начала 1920-х годов, члены семей министров и иных политических деятелей ряда стран Европы, спецпереселенцы, награжденные орденами и медалями Советского Союза за участие в Великой Отечественной войне и др.

Октябрь 2020 г.